

Эти заметки принесла нам Анастасия Дмитриевна Вяльцева — двоюродная внучка певицы, несравненной Анастасии Дмитриевны ВЯЛЬЦЕВОЙ.

С рождения я жила в доме, где все было связано с ее именем. Портреты, фотографии в альбомах, пластинки. Мой дед Ананий Дмитриевич Вяльцев — родной брат Анастасии Дмитриевны, был человеком немногословным. Но он обожал сестру и сумел сохранить то немногое о ней, что можно было сохранить. К нам часто приходили люди и просили его что-нибудь рассказать о сестре, показать ее фотографии, включить записи. Уже после войны, в 50-х годах, в нашем доме бывала артистка театра «Ромэн» Раиса Жемчужная.

Родилась Анастасия Вяльцева в деревне Алтухово Орловской губернии в бедной крестьянской семье. Умер отец — и семья перебралась в Киев. 13-летняя девочка поступила в беловшейку, потом — горничной в гостиницу. Работая, она пела, и ее услышала однажды артистка, порекомендовала учиться вокалу. Начало творческой биографии было незаметным. Статистика в балетной труппе, позже — хористка театра...

Успех пришел с маленькой ролью Кати в оперетте «Цыганские песни в лицах». А сольная программа романсов на летней сцене московского «Эрмитажа» стала настоящей сенсацией. Ажиотаж вызвали п последовавшие затем концерты.

Поклонники толпились в проходах и у сцены, крушили стулья и кресла, кричали «бис», выясняли отношения с полицейскими. Петербургская Консерватория, Дворянское собрание, театр «Буфф»... В конце каждого концерта — своеобразный торг. Певица показывает палец — в знак того, что споет еще одну вещь. Ей показывают три пальца, потом два... Из театра ее всегда выносили на руках. Один из поклонников преподнес ей веер, к которому были приколоты закладные на его дома № 22 и 24 по набережной реки Карповки. Она внесла потом за них 275000 рублей купцу Хазанову.

По свидетельству современника у нее было «особое умение петь необычайно интимно». «Под чарующей лаской твоею», неслоь со сцены... Г-жа В. стояла перед тысячной толпой красивая, изящная и переживала исполняемый ею романс, — писала одна из газет. — Мы все, и интеллигентная публика, и народ, толпившийся за забором, одинаково понимали ту любовь, которой жила певица и которую изливала здесь, перед нами, потому что все люди одинаково любят. Второй романс, третий, пятый, десятый («Кто раз любил, тот это знает» поет г-жа В. И мы все чувствуем, что действительно знаем это. Мы знаем и «не осудим никогда», мы сами, вслед за г-жой В., переживаем то, чем живет в этот момент все ее существо. Это — жизнь. Прекрасная жизнь, полная любви и страсти, которую переживает перед нами прекрасная женщина».

Прекрасная женщина, впрочем, была совершенством в деловом отношении, поражая антрепренеров великолепными административными способностями. Контрактов не подписывала, заключая сделки только «на слово». И ни разу его не нарушила.

Но мало кто знал ее самое горячее желание — закончив артистическую карьеру, стать просто женой и печь пирожки.

В 1904-ом году во время русско-японской войны газеты издавались над ее намерениями поехать на Дальний Восток сестрой милосердия: «Дива», так много и часто увлекавшая других, в свою очередь пылко увлеклась одним «высоким статным» молодым человеком, большим поклонником всех дам вообще, но в особенности «пиковой». Вдруг было получено известие о том, что «милый» ранен или сильно болен: А. Д. В. уехала к нему, в неизвестные дальние страны, чтобы ухаживать и баюкать «чарующей лаской своей» дорогого больного». К слову сказать, для этой цели она снарядила на свои деньги поезд милосердия.

Их любовь преодолела все преграды: и разницу в возрасте (поручик Василий Бискупский был на 8 лет моложе), и грозивший ему суд офицерской чести за брак с простолудинкой... А когда всего через 8 лет она умерла от белокровия, он, отдавший ей свою кровь для переливания, даже не смог быть на похоронах — слег в горячке.

Это было ровно 80 лет тому назад: «За гробом шла многотысячная толпа. Таких похорон давно уже не видал обычный спокойный угрюмый Петербург: блестящий офицер и скромный студент, нарядная дама и курсистка, и скромная девушка в платке, которая, быть может, не раз откладывала из своего небольшого заработка, чтобы купить билет «на Вяльцеву»...

Свои дома на набережной Карповки она завещала Петербургу на благотворительные нужды. Туда же должны пойти и деньги: больницы, приюты для бедных, стипендии крестьянским детям. Увы, богатство, как водится, ушло в песок.

Вера Алексеевна Балашова-Таскина (дочь аккомпаниатора), впервые увидев Анастасию Дмитриевну в шестилетнем возрасте, влюбилась в нее на всю жизнь. Любовь была взаимной. Вяльцева всячески ее баловала. Подарила ей куклу, на которой вся одежда была счита ея руками. О ее любви к детям говорил и певец Вадим Козин. Анастасия, бывая в их доме, всегда привозила большой пакет с фруктами, конфетами и другими сладостями. Своих детей у нее не было, был только воспитанник Женя Ковшаров.

«Белая чайка русской эстрады»... Ее наряды были предметом особого внимания. «Чудный белый шелковый туалет от Пакэна. На плече ветка белой гортензии. Весь корсаж усыпан бриллиантами, рубинами, сапфирами и жемчугом». В нее влюблялись и спустя много лет после ее смерти. Архитектор и литератор Геннадий Алексеев, увидев в 80-е годы портрет Вяльцевой, до самой своей скорпостижной кончины (в 51 год) жил под знаком ее очарования. Носил цветы на могилу, посвятил ей книгу «Зеленые берега» и дивные стихи:

*В младенчестве, завидя цветы,
Тянулась к ним и смеялась радостно.
Подросла — собирала в поле цветы,
Пела и смеялась беспечно.
Выросла — ей стали дарить цветы.
Она говорила «спасибо» и*

смеялась смущенно.

*На концертах ее засыпали цветами,
И, выбираясь из цветов, она*

смеялась от счастья...

...И, выбираясь из цветов, она смеялась от счастья...

